

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Любовью Васильевной Штылевой
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Россия

Дата: 5 Мая 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Любовь Васильевна Штылева окончила Мурманское педагогическое училище и Костромской государственной педагогической институт им. Н.А. Некрасова. С 1975 по 1984 гг. работала учительницей истории в школе, затем директором городского дома пионеров и школьников. В 1986 г. защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата педагогических наук. Полтора десятилетия преподавала педагогику и психологию в Мурманском государственном педагогическом институте, в 2013 г. перешла на работу в Институт социальной педагогики Российской Академии образования, с 2015 г. – ведущий научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования. В 1992 г. стажировалась в США по программе «Женщины в политическом процессе», в 2004г. прошла стажировку по программе экспертов в вопросах гендерного равенства в Канаде. В 1998 г. была участницей Первой Всероссийской школы гендерных исследований в Твери, в 2000 г. принимала участие в программе курса методологии гендерных исследований для преподавателей университетов в Московском центре гендерных исследований, далее в 2000 – 2001 гг. руководила исследовательско-образовательным проектом «Продвижение гендерных подходов в дошкольную педагогику». Под ее руководством было издано первое в России учебно-методическое пособие по гендерному подходу в дошкольном образовании «Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика» (Мурманск.: ООО Милори, 2001). В 2002- 2005 – консультант проектов «Региональная программа поддержки женщин «Путь к успеху», в 2005-2010 гг. – тренер и организатор проекта «Женщины могут!» (при поддержке «Норвежской народной помощи»).

Среди ее трудов монографии «Исследование гендерных характеристик студентов» (СПб.: Питер, 2003); «Фактор пола в образовании: гендерный подход и

анализ» (М.: ПЕР СЭ, 2008); «Вопрос пола» в педагогической теории и практике образования» (М., 2011).

Имеет правительственные награды и почетные грамоты, награждена дипломом Международной организации труда и Российского Союза журналистов за победу в конкурсе публикаций по вопросам гендерного равенства в России.

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работ, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Н.Л.: Любовь Васильевна Штылева, ведущий научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования. Инициатор создания Союза женщин Кольского полуострова. Добрый день, Любовь Васильевна. Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Вас за согласие поучаствовать в нашем разговоре и хотела бы, прежде всего, попросить Вас рассказать о себе, о том, как Вы оказались перед необходимостью создания женской организации, как это связано с Вашей профессиональной деятельностью, ну и просто о себе – где Вы родились, чем Вы занимались в течение жизни, что Вас интересует сейчас.

Л.В.: Я родилась в Мурманске, я – первое поколение городских жителей в нашем роду, все мои корни в Вологодской области, мои родители были крестьянами, которые в конце сороковых годов, в начале пятидесятых перебрались в Мурманск простыми рабочими. То есть я из семьи рабочих и крестьян. Всю жизнь я прожила в Мурманске, только последние три года живу в Москве, в Мурманске я закончила педагогическое училище, потому что моя мать все время мне говорила: «ты должна сама стоять на своих ногах, ты должна быть независимой». Это притом, что мать и отец прожили всю свою жизнь вместе, то есть никаких там разводов, каких-то больших разборок у нас не было. Я не знаю, откуда у матери такая была идея в голове, но она мне ее внушила.

И не просто внушила, она сделала так, т.е. настояла на том, чтобы я закончила только восемь классов и пошла в техникум. После педучилища, тем не менее, я поступила сразу в Педагогический институт, я очень хотела учиться. Я хотела учиться, мне было интересно и – смешно сказать, мне очень хотелось побывать в студенческом строительном отряде. В то время, так сказать, это движение – это был семидесятый год, то есть конец шестидесятых-семидесятый, это движение набирало силу, по улицам Мурманска летом ходили в защитной форме, значит, ленинградские студенты, бойцы стройотрядов, и мне ужасно хотелось быть студенткой, вот мне хотелось быть студенткой. Вот училась я хорошо, всегда была почти отличницей или отличницей, мне дали направление, рекомендацию от техникума в институт, и я поступила сразу в два института. Заочно – в Мурманске, и на всякий случай, на факультет литературы – ну, потому что мне нравилась литература как предмет. Ну и мне нравились и литература и история.

Н.Л.: Какой это год?

Л.В.: Это 1970 год. А вот... Тем не менее я понимала, что, если я поступлю на заочное отделение, то я не буду в студенческом отряде, то есть туда просто не попаду. Надо поступать на очное отделение. И буквально через месяц я поехала и, значит, поступила – опять же, по направлению, по комсомольской путевке, как активистка-комсомолка, в Костромской педагогический институт.

В то время там был удивительный факультет, он назывался Факультет пионерской и комсомольской работы (в просторечье), а вообще – историко-педагогический. Оттуда выходили учителя истории и обществоведения и

методисты пионерской работы. Вот я об этом факультете слышала, мне о нем рассказывала учительница изобразительного искусства в нашем техникуме, которая там училась заочно на факультете художественно-графическом, и она с восхищением рассказывала про этих ребят, веселых, которые ездят там в стройотряды, агитбригады, и т.д. – в общем, это было как раз то, что мне надо. Учиться было непросто, потому что это другой город, это Средняя Россия, то есть я увидела другую жизнь совершенно, но через пять лет я закончила и вернулась в Мурманск. В Мурманске, поскольку я закончила Факультет пионерской и комсомольской работы и вдобавок я все время была комсомольской активисткой, от института мне дали рекомендацию на комсомольскую работу. А вот...

Н.Л.: А многие женщины получали в это время рекомендации на освобожденную комсомольскую работу?¹

Л.В.: Это не было каким-то исключением! У нас был декан, очень такой... интересный человек, социальный психолог (тогда социальная психология только-только еще, так сказать, на наших просторах появлялась, зарождалась), Анатолий Николаевич Лутошкин. Он сам был в какой-то период комсомольским активистом-работником, и он исследовал вот этот механизм побуждения активности в человеке, и он нам говорил, что если кто-нибудь из вас объяснит этот механизм, почему одни люди вот становятся социально активными, а другие всю жизнь ведут себя как пассивные люди, то вы получите Нобелевскую премию.

А вот, так что вот он по своей инициативе написал... Поскольку у меня была комсомольская путевка, он написал, что «вы нам прислали человека, мы его выучили, получите специалиста, она обученная, она знает, и т.д. и т.д... Помимо того она социально активная.». Ну вот, и в это время в Мурманске создавался новый район, Первомайский, до этого в городе было всего два района, Октябрьский и Ленинский, и соответственно простраивалась вся инфраструктура этого района, политическая. Это значит, райком партии, райком комсомола и так далее и так далее. И в райкоме комсомола, так сказать, в тот момент оказалось пустующим место секретаря, значит, по работе со студентами и школьниками и заведующего отделом учащейся молодежи.

Вот как-то так стекло. Кажется, что всё это случайности, хотя на самом деле я думаю, что все это очень закономерно, потому что реально я вот всю жизнь, во мне вот сидел вот этот черт социальной активности. Я даже помню, где-то в возрасте четырех или пяти лет – наверное, четырех с половиной, пять – в детском саду я вдруг начинала проводить собрания. То есть я сажала детей в ряды и говорила: «давайте обсудим наши дела». Вы понимаете? То есть вот, как-то я это вспомнила, я очень хорошо это помню, как это было, притом что я затем не знала, что говорить, но меня удивляло то, что они садятся и слушают. Вот так и... Это было очень интересное время...

Н.Л.: Середина 1970-х?

¹ Составитель транскрипта отмечает, что Н.Л. имеет в виду «освобожденную от основной профессии, позволяющую получать зарплату от государственно-управленческой структуры».

Л.В.: Да, я закончила в 1975 году, то есть вот с 75 года по 82 год я работала сначала секретарем Первомайского райкома Комсомола, т.е. в районном комитете, это самая такая низовая структура, а затем мурманского горкома Комсомола. Секретарем Мурманского горкома Комсомола.

Н.Л.: Это высокий пост, освобожденный.

Л.В.: Вы знаете, с точки зрения Москвы, наверное, высокий, с точки зрения небольшого периферийного города Мурманска, а он был таковым – там даже полмиллиона населения не было еще, а вот... или там были какие-то другие правила, то, что что-то не так с точки зрения москвичей, - это я поняла по отношению и поведению моего научного руководителя...

Н.Л.: А значит, Вы поступили в аспирантуру?

Л.В.: Я – нет, я не поступила, но, когда я приехала и начала работать в системе Комсомола, мне было очень интересно, это была моя работа, а вот, хотя я себя чувствовала страшно неуверенно, мне было ужасно неудобно разговаривать с директорами школ, мне всегда казалось, что они такие занятые, серьезные люди, а я иду к ним, значит, пристаю вот там с пионерами, комсомольцами, туда-сюда, и это чувство было вызвано еще и тем, что они реально так и относились. То есть они понимали неизбежность взаимодействия со структурами райкома Комсомола, понятно, райком партии – для них это было непререкаемое и святое, а мы вот такие молодые комсомольцы, значит, задорные, понимаете, мешаемся под ногами, мешаем организовывать учебный процесс. А вот... А у меня в ведении были старшие вожатые – тоже система была смешная. Деньги они получали от образования, а работу их организовывали и направляли мы. Понятно, что школа пыталась использовать их в своих целях, как, так сказать, вот единицу, которую можно поставить на замену² в класс, послать что-то выполнить, какую-то организационную работу, а мы, так сказать, вот... в другую сторону все это гнули, так сказать, ориентировали на работу с детьми, всякие такие общественно-социальные вещи обсуждали с ними, организовывали кампании сбора макулатуры, там металлолома.

Н.Л.: А как же появилась вот эта исследовательская жилка и желание все это зафиксировать, проанализировать?

Л.В.: Дело в том, что где-то года через полтора я вдруг осознала, что вот я столько сил вкладываю, работаю, мне это интересно и вот и я, так сказать, что-то придумываю, создаю, использую опыт там агитбригад, который я приобрела в институте, а вот я уйду и все это уйдет вместе со мной. Ничего не останется. И вот это ощущение какое-то такое, вот нет смысла, если ничего не останется. Я написала Анатолию Николаевичу Лутошкину, он по-прежнему был деканом нашего факультета в Костроме, что вот как бы мне вот как-то вот что-то все вот, вот это вот реализовать в виде исследования, т.е. написать, что я хочу заниматься научной работой, то есть я хочу все это осмысливать. Все это фиксировать. Он мне написал, что «ну, это здорово, что ты хочешь, но ты живешь в таком городе,

² Составитель транскрипта предполагает, что Л.В. имеет в виду «замену преподавать в класс».

где нет Ученого совета, где нет, так сказать, вот той научной инфраструктуры, поэтому тебе к кому-то надо прикрепиться», что такое прикрепиться – я понятия не имела.

А вот... Ну... Он мне как-то так ответил: «ну ты что-то делай там, думай», и ориентировал меня на Бориса Зиновьевича Вольфова. Борис Зиновьевич Вольфов у нас в институте приезжал читать нам лекции по методике организации, по методике работы организаторов внеклассной внешкольной работы.

Н.Л.: Педагог.

То есть появилась такая должность, такая. Ну, замдиректора по воспитанию, говоря обычным языком. То есть я его знала, я его видела, для нас он был гуру, человек, который написал учебник по этому вопросу, то есть реально это была такая известная фигура в мире педагогики. А вот, но лично вот так, чтобы личный контакт, у меня не было. Ну, жизнь распорядилась таким образом, что меня послали, сейчас скажу, в восемьдесят... Ну когда я перешла в горком Комсомола.

Н.Л.: Значит, в начале 1980-х.

Л.В.: Да, да, да. Меня послали на учебу в зональную школу, значит, комсомольских работников в Великий Новгород. А вот, это было банальное повышение квалификации. Там были комсомольские работники – как правило, женщины, мужчин было очень мало, поскольку это все по отделам школьной и студенческой молодежи. И во время нашей учебы там проводилась конференция—т.е. вот ЦК Комсомола решил там провести конференцию— и приехали, приехала вот пара сотрудников из Института Академии педнаук, вот Общих проблем воспитания ПАН СССР назывался институт...

И приехала Надежда Петровна Иванова. Она вообще занималась октябрятами. То есть ее научная вот такая стезя – октябрята. Значит, но ее была задача – нам помочь, как-то вот наши эти выступления более или менее причесать, сделать их, так сказать, цивилизованными, так сказать, более научно-ориентированными. Хотя все выступления были из опыта работы. Мой доклад был связан с воспитанием активистов, их подготовкой....

Н.Л.: Без гендерной темы? Не женщин-активисток, а активистов?

Л.В.: Активистов, да. Потому что активисты – и мальчики, и девочки, хотя проблема всегда была, она была очевидна, что среди вот комсомольского актива гораздо больше девочек, и секретарей первичных комсомольских организаций, и классных комсомольских организаций, больше девочек. Сейчас одна из ученых, Татьяна Мальковская, она исследовала тогда этот вопрос, и она вот говорила, что вот такое, вот такая вот диспропорция. И это списывалось на то, что школа живет по женским законам, потому что там все больше женщины работают, вот и поэтому женщинам удобнее иметь под рукой всегда вот исполнительных, так сказать, исполнителей там.

Н.Л.: Очень интересно.

Л.В.: Кстати, эта идея живет и до сих пор. И так и объясняется – я это вообще считаю, что это сексизм, и учителя, или вернее исследователи-женщины, которые бездумно повторяют вот эту вот муу, они не понимают, что таким образом мы говорим: «ну да, мы, конечно, педагоги, профессионалы, но вот как-то профессионалы – осетрина третьей свежести!»³ Вот, мол, мужчины – да, учителя, а мы? От нас вот еще и вред, феминизация образования происходит, какие-то вот такие вещи. Но это – отдельная тема...

И когда она, значит, посмотрела мой доклад, она мне сказала: «Девушка, Вы талантливы! Вам нужно заниматься наукой. То есть, вот давайте, значит, доработайте Ваш доклад, пришлите к нам как, значит, заявку, там реферат на научное исследование, и мы, значит, вот этим вот...» Я это все взяла себе на ум, приехала домой, месяца два... Притом она сказала так: «ну вот это по два слова в каждой строке типа добавь, чтобы объем был больше», и я добросовестно по два слова в каждой строке добавляла. То есть я так буквально поняла ее слова, что я именно это и делала. А вот, и я послала, значит, свой реферат в адрес вот этого института, Общих проблем воспитания ПАН СССР, в Москву, к заведующему лабораторией комсомольской и пионерской работы, если я не ошибаюсь, Яценко, Яценко. Я его, я его никогда не видела, просто мне сказали кому послать, я и послала. И случилось так, что он погиб. То есть, вот, пришла моя бандероль, а он там накануне, предположим, его сбила машина. И он погиб. Он был очень уважаемый человек. и очень... с ним очень, очень дружил Борис Зиновьевич Вольфов. И когда после смерти Яценко, стали разбирать его бумаги, то нашли вот пакет с моим рефератом. И, значит, Вольфов в память о том, что это был Яценко, он согласился как бы вот заниматься со мной. Таким образом началась моя работа. Она продолжалась довольно долго, то есть все я начала... да, я приехала, так сказать, прикрепляться – к аспирантуре, к этому институту – выйдя в декрет. То есть это уже был 1979 год, да 79-й год, а вот и я приехала, вот буквально – семь месяцев беременности, и то есть на меня смотрели, как на сумасшедшую и говорили: «вы сначала родите, а потом вы к нам приезжайте». А я для себя понимала, что, если я вот сейчас дам слабинку и не прикреплюсь формально, то есть у меня не будет этих рамок каких-то, да? То я потом... ну как это бывает всегда: «ну вот еще вот это, а вот пусть до года добирается, то вот то, вот то», то есть ну вот, то есть время еще идет и тянется, и, может быть, еще что-то изменится, и ничего не будет. А вот, а у меня было такое интуитивное желание, стремление обязательно этим заниматься. А вот, и, будучи в декрете, я читала там книжки Кона, кстати говоря, «Психологию ранней юности» и т.д. А вот, то есть начитывала, начитывала, начитывала материал. А вот, ну...

Н.Л.: То есть поступление в аспирантуру, это в середине 80-х.

Л.В.: Нет, нет, это 79-й год.

Н.Л.: Это прямо 79-й. А когда была защита диссертации, которая так...?

Л.В.: В 1986 г.

³ Ссылается на роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Н.Л.: Ну, пока росла дочка и пока...

Л.В.: Дочка росла своим путем, диссертация росла своим путем. То есть да, все это, конечно, совмещалось, и все вот было, было непросто.

Н.Л.: Как была представлена женская тема в диссертации? Была вообще это... значит...?

Л.В.: Нет, женская тема не была представлена в диссертации. Значит, тема диссертации была «Взаимодействие школьной и воинской комсомольских организаций в коммунистическом воспитании старшеклассников».

Н.Л.: Как же появилась женская тема в Вашей профессиональной деятельности?

Л.В.: Женская тема в моей профессиональной деятельности, она появилась не в профессиональной, а она появилась в моей социальной активности. 80...

Н.Л.: В конце 1980-х.

Л.В.: В конце 1980-х. Когда началась перестройка и когда стало очевидно, что вот этот молох – какой-то бездумный, бессмысленный, метелит такую огромную страну, и вообще нас никто не спрашивает. И если мужчины там еще где-то видны, «пиджаки», значит, да, то женщин вообще никто в ум не берет. И вообще мнения нашего никто не слышит. Вот. А понятно, что все бытовые сложности и трудности, их достаточно было и в советское время, когда вот еще, вот это вот началась перестройка, то все это вот усложнилось, усугубилось, и, так сказать, все эти проблемы выросли в несколько раз. Это касается и пустых прилавков, проблема, из чего чего-нибудь сварганить, накормить и т.д.

Я могу сравнивать Москву и периферию, то есть у нас это было ужасно, ужасно. То есть, когда мне теперь вот там в Москве говорят, что «у нас было тяжело», я говорю: «Ребята, я приезжала в Москву тогда, я видела в Москве мясо, сыр, там творог, молоко». Когда в 1980... нет, в 1981 году мой научный руководитель ехал в командировку в Мурманск и по телефону меня спросил – это был май месяц – он меня спросил: «Люба, что тебе привезти?» Я, не задумываясь, сказала: «Борис Зиновьевич, привезите мне - два пакета молока, три пакета сливок и две вот эти банки, полиэтиленовые, московской сметаны!» Он не поверил, он думал, что я шучу. Но реально у нас с этим были проблемы. А если у тебя, так сказать, не было никакого блага - а у меня его не было, потому что для меня было неприемлемо быть секретарем горкома и при этом, значит, приходить там и... там, я не знаю, со двора и как-то вот...

Н.Л.: Что-то получать.

Л.В.: Да, что-то-получать. Никаких заказов в горкоме Комсомола не было, то есть, вы понимаете, Москва и периферия отличались, отличалась и структура снабжения сотрудников партийных органов и советских органов: они себя обеспечивали, а Комсомол, вот он как бы не дорос еще до этого. Он был «со стороны»...

Н.Л.: А можно сказать, что идеи объединения женщин родились вот как раз из этих нехваток, очередей, из проблем, которые были поставлены перед страной в конце восьмидесятых?

Л.В.: Как вам сказать? Связь здесь есть, но я бы все-таки в первую очередь поставила желание или, как вам сказать, понимание необходимости вмешаться в этот процесс.

Н.Л.: Когда оно появляется? На исходе горбачевской эпохи или прямо в начале – в конце 80-х? Или с начала 90-х? Когда примерно это можно говорить?

Л.В.: Это 1986-1987 год. Это 1986-1987 год. То есть сама перестройка началась так активно где-то в 1986 году, так сказать, уже все это забродило, заходило со страшной силой. А вот, дозрела я до вот этого момента. Сейчас скажу. У меня вторая дочь родилась в 1988 году, значит, где-то в 1989 меня направили на повышение квалификации

Н.Л.: Куда?

Л.В. В Москву.

Н.Л.: В Москву.

Л.В.: В то время, значит, я в 1986 г. я защитила диссертацию. Я в это время работала в школе учителем истории и обществоведения, мне очень нравилось работать в школе. Вот мне нравилось работать в Комсомоле, мне очень нравилось работать в школе. Мне было чрезвычайно легко и просто в школе. То есть это мой темперамент, мое отношение, дети... и я до сих пор считаю, что никого более сильного и влиятельного в школе в отношении детей нет, кроме учителя. И учитель настолько хозяин в классе в том смысле, что нельзя поставить за его спиной контроллера. И на уроке я говорю то, что я считаю нужно. Поэтому это мощная сила. И работать надо с учителями, если вы хотите изменить, так сказать, ментальность нации.

Н.Л.: Как этот опыт помог объединению именно женщин и созданию...

Л.В.: Вот он и помог потому что...

Н.Л.: Расскажите про начало создания женской организации.

Л.В.: Начало создания женской организации, как ни смешно, началось с создания женского клуба. А создание женского клуба началось с создания школы-студии «Шарм». Стыдно сказать. Значит,.. уже в 198—уже теперь и не помню—4 году, что ли, да, я перешла... А нет, после защиты диссертации, значит, где-то в 1987 году я перешла на работу в институт, и разрабатываю там...

Н.Л.: Какой?

Л.В.: Педагогический, конечно. Я читала педагогику на филологическом факультете и на физмате и т.д. И, занимаясь, так сказать, лекциями и т.д., я снова вернулась к социальной педагогике. Ко всем этим эффектам, так сказать,

взаимодействия, общения и т.д. И, работая над темой педагогического общения, у меня параллельно собирался материал о вот этих, ну сегодня говоря, гендерных различиях. Тогда это были поло-ролевые различия. Притом в трактовке, которая была возможна в то время. Вот что положено женщинам, что мужчинам, как должны себя вести женщины, как должны себя вести мужчины. И в результате собрался приличный case. А потом опять же... На одном из семинаров я познакомилась с психологами, увидела, как ведутся тренинги, и мне очень захотелось научиться это делать. И вот используя этот материал, я сама стала вести, так сказать, тренинги, они были такие... полуженские – в том смысле, что я интуитивно как бы исходила из идеи, что женщина должна быть самостоятельная, она сама должна выбирать свою судьбу, сама решать, но при этом, так сказать, учитывая, что все это происходит во взаимодействии не только с женщинами, но и с мужчинами, она должна каким-то образом выстраивать свои отношения с мужчинами. Поэтому там все было намешано, mix был. Но вот из этих женщин, которые приходили ко мне на эти семинары, значит, сложился определенный круг, потому что среди них тоже были разные женщины. Были которые приходили, чтобы научиться, как правильно ходить и улыбаться, чтобы заинтересовать мужчину и т.д., а были женщины, которые затем вот в этих разговорах после семинаров, так сказать (поскольку мы, конечно, обсуждали все, что происходит вокруг) сказали: «слушайте, давайте создадим свой клуб, давайте создадим какую-то такую организацию, исходя из которой мы сможем действовать! Вообще ну... Это же безобразие – то, что происходит вокруг!». А вот. И вот из этого клуба, собственно, сложилась первая ячейка. Кстати говоря, самыми активными оказались те, кто раньше были тоже комсомольскими активистками. Ближайшая моя сподвижница, Ирина Фогт, она тоже была преподавателем в техникуме вычислительной техники и информатики, она учительница математики по образованию. А вот. Вот собственно, мы в паре начали.

Н.Л.: Как же вы назвали эту?

Л.В.: «Любава». Первый клуб был «Любава». Вот «Любава», а вот. И буквально в течение первого года мы глубоко с Ириной разочаровались, потому что мы поняли, что попали в ситуацию массовиков-затейников для тех женщин, которые хотят изобразить более интересный образ жизни. Нас это совершенно не устраивало. Тем более что мы, конечно, в сторону, так сказать, социально-политическую мыслили, то есть мы понимали: все это хорошо, пироги, разговоры, обмен там рецептами, там все проведение всяких курсов, типа как там подстричь, не ходить в парикмахерскую, а дома все бесплатно сделать – время было такое, что надо было уже, так сказать, вот всякие такие стратегии....

И как я теперь понимаю, у нас, мы обратились к стратегии выживания, а не к стратегии развития, хотя стратегия развития состояла в том, что мы – по крайней мере, я интуитивно понимала, что было необходимо что-то другое, большее, сильное, организованное. Я это... Я это не могла еще как бы вот сообразить и выразить, но мысль такая была. И в 1992 году меня послали на курсы повышения квалификации уже преподавателей высшей школы. Муж остался с детьми, то

есть, опять же: «А как ты уедешь? У тебя двое детей». Ну я говорю: «Я же не мама-одиночка. У меня есть муж». Вот как-то я так вела себя в свое время в семье, что мы оба должны воспитывать детей. С одной стороны, я давала ему возможность развиваться, он был тренером, у него была идея воспитать олимпийских чемпионов, и в течение там первых десяти лет нашего супружества он практически был сухопутный моряк, то есть... то есть его никогда не было дома зимой, он был на каких-то все время сборах, притом жил в жутких условиях, по каким-то медвежьим углам со своими детьми, но он был все время – он приезжал на три дня и опять уезжал, приезжал-уезжал, а я оставалась с ребенком, в полярной ночи, как бы работая, там детский сад и так далее, то есть было очень тяжело, но я считала, что ему надо давать развиваться....

Н.Л.: А этот клуб «Любава», он как-то поддерживал вас всех тем, что вы объединились в это время, в конце 1980-х?

Л.В.: Да, трудно сказать... Вы знаете, это была такая ситуация, когда, чтобы не думать о плохом, ты создаешь себе деятельность и вроде как ты вот занят этой деятельностью. Помимо того, что у тебя по-прежнему семья и все бытовое обслуживание семьи. Там у кого больше, у кого меньше. У тебя работа, на которую ты каждый день должен ходить, готовиться. Я – преподаватель, мне нужно все время готовиться, работать в аудитории со студентами и т.д. А вот. И в 1992 году, когда я приехала на курсы, здесь в Москве все ходило ходуном, все бурлило. И я полдня, значит, была на курсах, потом – в библиотеку, и все вечера я, так сказать, вот где-нибудь, чего-нибудь - ведь была куча мероприятий, и на ВДНХ была выставка в марте месяце, «Мир женщин» называлась, вот я туда ходила, как маньяк, с регулярностью, и я общалась, знакомилась.

Да, и в это время параллельно, от этого стресса социального, от того, что происходило, от понимания того, что это – вызов времени, что нужно как-то развиваться, что-то делать, иначе опустишься на полное социальное дно, во мне проснулся дар журналиста. Я вообще всегда хорошо писала сочинения. А тут... «Остапа понесло»⁴, я стала писать. Я писала в газеты, меня пригласили туда сотрудником, притом, так сказать, оплачиваемым. Но поскольку нельзя было совмещать две работы, официально я работала на гонорар. То есть вот, я все время писала, засчет этого я получила приличную известность у себя в регионе, то есть я была таким медийным лицом. Меня очень часто интервьюировали, то есть по радио, по телевидению, в газете. А вот.

И вот в 1992 году в Москве я познакомилась с женщинами, которые уже в то время создавали первые женские клубы московские. Вот например... Сейчас, наверное, совру ее фамилию, Ирина..., «Клуб деловых женщин». Даже выходила газета, она называлась «Деловая женщина». Сейчас она иногда появляется, эта Ирина, в качестве психолога на Центральном телевидении, эта Ирина.

Н.Л.: Корчагина.

⁴ Составитель транскрипта здесь отмечает, что Л.В. ссылается на роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Л.В.: Да, Корчагина. Ирина Корчагина. Вот. Я... Так я увидела Машу Арбатову. Кстати, я ее очень испугалась. Не то что испугалась, но у меня возникло чувство опасности. Хотя лично со мной она не общалась, она как бы вообще в этом клубе что-то говорила. А вот. Клуб проводился на задворках ГУМа в каком-то там помещении. А вот. Но у меня вот как-то такое возникло, ну, такое ощущение, как вот еж с длинными колючками, что подойди – и кольнет. А ее привела в этот клуб Светлана Айвазова.⁵ То есть вот так создавались вот эти вот первые...

Н.Л.: Сети.

Л.В.: Со Светланой Айвазовой... Ну вот, я только ее и увидела. Лично я даже с ней тогда, помню, и не разговаривала. А на этом мероприятии я познакомилась с Галей Гришиной, у которой уже была организация, тоже какая-то организация...

Н.Л.: Консорциум.

Л.В.: Нет, нет, нет, не Консорциум. Потом это стало организацией «Союз женщин «Восток-Запад». Там, так сказать, им оказывала большую поддержку и ключевой фигурой была немка, Штеффи Энгел. Она, значит, она очень много сделала для того, чтобы привлечь какие-то деньги, то есть там пошли первые проекты – я помню, чему только мы не учились... И предпринимательству, и еще там какие-то курсы вот. Значит...

Н.Л.: Это вот «Восток-Запад» или...?

Л.В.: Да, да, да. «Восток-Запад» - это вот Галя Гришина.

Н.Л.: Начало 1990-х.

Л.В.: Да, начало 1990-х. И там я впервые увидела компьютеры! Как бы, вот я помню, у меня такое было благоговение перед той же девушкой из Германии, даже не помню, как ее зовут, напарница Штеффи Энгел. Значит, она сидела и, значит, печатала на компьютере, и она мне показалась чуть ли не Богом, что она вот. А она мне пыталась объяснить, что она – всего лишь пользователь.—Она правда не использовала это. название. Она говорила: «да нет, я просто ну вот просто вот, как печатная машинка». А вот. Но вот благодаря контактам с Галей Гришиной и с ее организацией – а мы тогда еще были в статусе женского клуба, а вот – мы как бы завязались на эти контакты, и она нас пригласила в проект как бы «Обучение компьютерной грамотности женщин». Понимаете, и вот с этого все началось.

Но, вот шастая здесь по Москве, я помню: я ехала в метро, спускалась вниз на эскалаторе, и... Как-то вот так ассоциативно так подумала: надо создать региональную организацию, и организация должна быть большая, региональная... Ну как назвать? «Конгресс женщин Кольского полуострова!» Потом у меня вот это сложилось в голове и, когда я приехала домой, после тех курсов вернулась, я собрала клуб и сказала: «Вы знаете, у меня вот такая вот

⁵ Составитель транскрипта отмечает, что Светлана Григорьевна Айвазова «ныне доктор политологии, главный научный сотрудник Института социологии РАН».

идея:, я считаю, что нам нужно сделать вот это, давайте мы сейчас начнем готовить конференцию, давайте напишем во все, так сказать, организации!» А клубов уже, клубиков разных маленьких – там матери детей-инвалидов особенно было много, мам-одиночек, уже по области было, так сказать, были такие зернышки... И мы во все эти клубы послали. Я вам скажу вот... Я хочу сказать, что вообще идея не вдохновила. То есть, да, потому что все-таки большая часть вот женщин, она была ориентирована на культурно-развлекательную деятельность. Ну и типа там клубы знакомств создать, значит, с иностранцами будут задружиться. Уже и такой был клуб, который, кстати говоря, собрал большие взносы, купил водки, проводил вечера, встречи и т.д. А вот. Но я-вот, так сказать, держала свою линию, Вера Фогт меня поддержала. Света Паршкова была директором Дома пионеров. Она как бы на нас так... Ну, она позволяла нам у нее собраться – просто потому, что мы были знакомы еще по комсомольской работе, ей было неловко отказать, но она, честно говоря, в нашей работе не участвовала. А вот на базе ее Дома пионеров мы параллельно создали Воскресную школу для девочек, в которой проводили вот те самые тренинги, где было все намешано: и культура общения, и, так сказать, вот такие профеминистские идеи самостоятельности, выбора своего пути – то есть, ну все, поскольку... в голове, откуда корни растут - оттуда и цветы цветут. Вот такое. Вот. И это было...

Я вернулась в июне, и, так сказать, мы что-то начали, затем был период отпусков, мы вернулись в сентябре и, так сказать, начали активно работать. И в ноябре мы вот эту первую тусовку региональную...

Н.Л.: В ноябре это 1992-й?

Л.В.: Да, 1992-й год. Конец октября,-ноябрь... Сейчас точно не помню, это все есть, в нашей истории записано. Просто в голове сейчас не держится уже. И мы, значит, провели... То есть провели так, как умели. А как мы умели? А как мы в комсомоле работали, вот так и провели. Тогда мы сделали свой первый фандрайзинг – даже слова такого не знали, но сделали. А вот.

Н.Л.: К кому же вы обращались?

Л.В.: Ну например вот, самый... мы обращались к предпринимателям, так сказать, веря, что вот, я помню, как такой самый крутой предприниматель по тем временам, Владимир Баглаев – он и сейчас еще существует, у него, так сказать, разветвленный бизнес в Мурманске. Я помню, пришла, его уговаривала, говорю, значит вот: «мы хотим собрать женщин, обсудить, так сказать, что происходит, так сказать, сформировать свою позицию, высказать». Он сказал: «Я вообще не верю», и типа: «все мне это не нравится, но раз ты ко мне пришла вот на тебе там десять тысяч!» Или, я не помню, пять тысяч он, по-моему, он дал прямо вот из своего кармана. Или десять не помню. А вот. «Ну вот на тебе десять тысяч!». Мы говорим: «спасибо!».

А когда я... А вот мы собирались каждую неделю. Каждую неделю, то есть у нас регулярные были сходки, штабы такие. Вот. Я рассказала, что вот, я сходила, вот я собрала. К нам как-то случайно зашла женщина, предпринимательница, очень

большая, у нее был там магазинчик. А вот. Она сказала: «Баглаев дал десять тысяч? Ладно, я дам двадцать тысяч. Завтра принесу». Вот так. Но самый большой взнос, значит, сделал пенсионный фонд, пенсионный фонд. Значит, его руководителем был человек, который знал меня по комсомольской работе в районе, а он работал в райкоме партии инструктором.

Н.Л.: Старые связи сработали!

Л.В.: Да, притом что мы с ним так вот лично так и не были знакомы. А просто мы писали письма методом тыка, и кто-то нам подсказал, что Пенсионный фонд – «это тот же самый банк, у них тоже есть деньги, обратитесь». А вот. Значит, и он, когда прочитал письмо и увидел подпись, он сказал: «а, это та комсомолка? Ладно, давайте дадим им. Пусть проведут хорошее дело». Как-то вот так.

Н.Л.: С этого началась, собственно, история Конгресса женщин Кольского полуострова?

Л.В.: Да, с этого началась история Конгресса женщин Кольского полуострова! Притом сам Конгресс женщин как организация. То есть первая сходка называлась «Первый Конгресс женщин Кольского полуострова».

Н.Л.: Сколько же человек приехало, ну, как делегатов? Скажем так, было.

Л.В.: Там человек 200 было. Да.

Н.Л.: Ничего себе!

Л.В.: Сейчас даже смешно вспомнить, как мы это все калькулировали. Во-первых, мы всем оплатили дорогу, мы понимали, что... ну, мы исходили... мы простые женщины и мы понимали, что вынуть из своего кошелька денег на проезд, ну, так сказать, не все могут. Поэтому мы оплатили дорогу, жили они в общежитии техникума, где мы все это проводили, зал был бесплатный, этот зал техникума. А вот там... Машину, предположим, для – что-то привезти-увезти - дали пограничники, оттуда женщины, значит, которые работали в штабе погранвойск, они, так сказать, посодействовали. И козелок, там, пару раз было в нашем распоряжении. Еда у нас была самая незатейливая, макароны с подливкой.

Н.Л.: Такое время было, начало 1990-х.

Л.В.: Дело было даже не только во времени! Были продукты, но мы же исходили из нашей сметы, то есть мы сидели и соображали, как это сделать. А кофе-брейк у нас был – мы уже тогда знали такое слово –значит, мы купили черный хлеб, нарезали его на четвертинки и намазали повидлом. Вот это у нас был, значит, такие бутерброды были. Да, вот так все начиналось.

Н.Л.: Но какие задачи ставила организация, которая вот с таким трудом создавалась и все-таки объединила в те времена...?

Л.В.: Мы хотели договориться о совместных действиях. Оказалось, что это очень непросто, потому что у разных групп женщин это сразу проявилось. На первой же встрече. У разных групп женщин были разные интересы. То есть женщин,

ориентированных – как бы, вот если четко сказать – на такую пошаговую политическую деятельность, которые вот реально понимали, что что вот не сейчас надо кусок сыра где-то выпросить и разделить между страждущими, а что необходимо добиваться положения, власти, что надо наращивать вот эту «массу влияния»... Ну, как Кон говорил, «сила стука имеет значение». Вот, чтобы стук был значимым, нас должно быть много, мы должны быть организованы, мы должны поддерживать друг друга на, так сказать, на уровне идеологии, то есть мы должны быть согласны с этими позициями. И мы должны, что называется, петь в одну дуду. Вот. И основной-то пафос был: «Выслушайте нас! Как мы видим то, что происходит в стране!».

Н.Л.: По отношению к обществу женщины хотели, чтоб их слышали.

Л.В.: Мы сказали... То есть мы считали, что нельзя проводить изменения таким образом, что изменения должны быть более разумными и продуманными, что нельзя крушить все... Что необходимо сохранить то, что жизнеспособно, так сказать, работает и т.д. Ну вот где-то в таком плане. Понятно, что среди нас не было, так сказать, уже готовых Владимиров Ильичей Лениных, который сидел много лет и все это прописывал. То есть все вот это делалось по ходу, на уровне понимания каких-то общих вот задач, но, опять же, эти общие цели и задачи очень по-разному понимали. И договориться на первом Конгрессе нам об этом не удалось. Мы договорились только об одном: что нам нужна региональная организация, то есть...

Н.Л.: Забегая вперед: сколько было конгрессов? Таких общих, объединительных? Когда много приезжало сразу делегатов, или приглашенных?

Л.В.: Ну, пять. Пять=шесть.

Н.Л.: Пять состоялась. Ну пять-шесть состоялось. Продолжает ли существовать организация и сейчас?

Л.В.: Номинально, да. То есть она не закрыта, юридический статус сохранен, буквально на днях приезжала Света Паршкова, которая сейчас выполняет как бы функцию председателя Конгресса.

Н.Л.: То есть, по сути дела, четверть века существует организация. Но наибольшая ее активность пришлась на какие годы?

Л.В.: На 1990-е, до 2006 года где-то.

Н.Л.: До 2006. Какое самое удачное мероприятие, которое может быть связано именно с деятельностью этого Конгресса женщин Кольского полуострова, что Вы ставите себе в заслугу, как чего-то вы добились или объединили большое количество женщин, чьи связи продолжают друг с другом? То есть, речь идет о том, в какой мере были выполнены те задачи, которые были поставлены, когда создавалась организация?

Л.В.: Здесь как посмотреть, по-разному. С одной стороны, многое удалось. С моей точки зрения, коренным образом изменилось отношение... изменился взгляд – по крайней мере, регионального сообщества, - на позицию женщин и на то, что женщины имеют право. Имеют право участвовать в политике, имеют право участвовать в бизнесе и что это нормально. И что женщины вообще могут говорить не только о кулинарных рецептах. Что их волнуют еще проблемы политики, проблемы социального устройства, управления и т.д. Вот. То есть это очень заметно по средствам массовой информации.

Н.Л.: Чем связано, ну, сокращение или ослабление организации после 2006 года?

Л.В.: Наташа, я бы хотела продолжить. Второе, как бы фактическое достижение – это проблема насилия в отношении женщин, вот то, что домашнего насилия. То есть при участии и при поддержке наших соседей, соседок, женщин из Норвегии – их, так сказать, вот тоже Рабочей партии Норвегии, мы открыли в Мурманской области первый независимый центр, кризисный центр для женщин. И он существовал пятнадцать лет. Его закрыли недавно. Но относительно недавно, тоже где-то в 2008 году мы его закрыли только. Но просто потому что уже сил не было материальных на защите ведь, потом у нас не было задачи вот, значит, содержать вот такие структуры. У нас была задача высветить проблему, показать проблему, показать, так сказать, способы и инфраструктуру для ее решения, в этом смысле мы очень много – многому научились и у канадских женщин, и у немецких женщин, и у норвежских женщин. Мы очень благодарны норвежским женщинам – тем, кто участвовал и в конференциях, тем, кто участвовал в проектах – значит, конкретно, Кризисному центру Киркенеса, с которым у нас были сотрудиические связи, и городу Тромсе, с которого вот все началось.

То есть нам это удалось! И затем мы эту технологию, во-первых, мы его пропиарили, говоря таким языком, что кризисный центр для женщин, жертв домашнего насилия, и затем мы ее, собственно говоря, передали государству, и теперь в Мурманской области есть несколько центров помощи женщинам, пережившим насилие. Но не только женщинам, а теперь уже и мужчинам, и детям - вот такая... как бы... то есть проблема насилия в отношении человека в близких отношениях, которые находятся в близких отношениях, которая раньше была втуне, закрыта и вообще не обсуждалась. И сначала вызывала иронию даже у тех, кто... с кем мы решали эти вопросы. Я имею в виду мэра нашего города, силовые структуры, средства массовой информации... Например, были такие публикации там: «Приют для избитых жен». То есть это вот нам журналисты хотели сделать хорошо и написать о кризисном центре для женщин! А назвали вот так, сами понимаете, название провоцирует, так сказать, отношение. То есть вот это нам удалось.

С нас же начались... началось массовое обучение женщин компьютерным технологиям. Там как хочется, но после знакомства с Галей Гришиной и ее вот этими проектами, в которых мы участвовали первые пять лет (а мы очень, очень, очень признательны организации Гали Гришиной и этой немке Штеффи Энгел,

большое ей спасибо за то, что... я не знаю, они понимали, что они идут правильным путем, не понимали), но реально вот это овладение компьютерными технологиями. Это подняло нас в своих глазах. Это дало нам инструмент для такого вот общения со всем миром, для получения информации, обмена. А вот. Мы первый компьютер купили на свои деньги с Ириной Фогт.⁶ Мы тогда, так сказать, ну, такую акцию провели! Тогда была проблема с сахарным песком. Он, как сейчас доллар, играл в цене. И так случилось, что я сообразила, а Ира меня поддержала... Мы собрали деньги с учителей, которые хотели купить сахарный песок оптом, мешком. Купили его по оптовой цене, продали по розничной. А разницу, вот эту разницу мы вложили в компьютер! И вся наша организация, костяк, 40 человек, мы в течение полугода на одном компьютере осваивали вот эту вот технологию электронной связи, значит, имэйлов, а вот, ну, понятно общего пользования программ «Лексикон». Мы стали издавать информационный листок на этом первом компьютере и его распространять - формата А4 несколько листов, скрепленных скрепкой, и, значит, методично рассылали, информировали о том, что мы делаем. И говорят, что в известных кабинетах все наши информационные листки были все расчерчены маркерами.

И я должна сказать, что через некоторое время мы получили обратную связь, то есть к нам стали приходить люди из кабинетов властных, которые говорили: «вот я много-много и долго читала ваш листок (это были женщины), и я хочу в этом принимать участие!» И так я поняла влияние методичного – методичной подачи информации. То есть никаких специальных знаний у меня по этому поводу не было, это все жизнь учила. Действуя как-то интуитивно, мы выходили на вот такие результаты.

Н.Л.: Пятнадцать лет вот такой бурной активности и таких успехов – почему они оказались свернутыми, как это произошло? Это связано с общеполитическим контекстом или с чем-то, с какими-то другими обстоятельствами?

Л.В.: В первую очередь, конечно, это связано с общеполитическим контекстом. Когда я побывала в Канаде и познакомилась с тем, как у них развивалось женское движение, я по этому поводу, помню, написала, у меня есть такая статья «Канадская медитация» по поводу женского движения, потому что мы практически идентично действовали. То есть они тоже начали с клубов, затем создавали движения, затем действовали и т.д. и т.д.... Но результаты у нас разные, и положение разное. То есть в Канаде я была в 2004 г., тогда еще Конгресс женщин функционировал достаточно активно, у нас шли проекты и т.д., но уже было понятно, что мы начинаем закисать. То есть не только мы, а в целом российское женское движение, потому что мы находились вот в этой сети женских организаций, входили в Консорциум женщин, в Независимый женский форум. Вот мы чувствовали, что вот все стагнируется, все стагнируется.

⁶ Составитель транскрипта отмечает, что Ирина Александровна Фогт является «преподавателем информатики Мурманского колледжа экономики и информационных технологий».

А потом начался накат. Он начался, так сказать, ну, с чисто формальных вещей, с изменения законодательства, которое, так сказать, усложнило жизнь организаций. Что такое общественная организация? Если она действительно общественная, в ней, как правило, нет освобожденных работников. У которых, так сказать... которые ведут учет и за это получают деньги, которые организуют, которые содержат офис. Ничего этого нет! То есть ты живешь обычной жизнью, ты работаешь, ты растешь детей, ты ведешь дом, и ты затем все свое время, которое остается, тратишь на общественную работу. И вдруг приходит, так сказать, «дядя из юстиции» (или тетя) и начинает тебя допрашивать. И, значит, с таким железным лицом требовать с тебя документы. А больше всего меня поражала налоговая инспекция, которая все время пыталась нас штрафовать, притом что мы, в отличие от нашего замечательного социально-ориентированного бизнеса, никогда не могли даже скрывать налоги. А как мы их скроем, если мы получаем грант, он кладется на счет организации, дальше, так сказать, каждая трата, каждый пирожок, который мы купили – все это по документам, куда, чего. Все налоги -- если мы платим какие-то стипендии за работу людям – это все облагается по полной, так сказать, вот налогами, за все надо платить.

То есть, я, помню, писала, что мы вот за первые там десять лет привлекли более двухсот тысяч долларов, и они все остались в Мурманской области. Они все сработали на общественный сектор и на бюджет Мурманской области, потому что мы там все жили. Мы там все работали. И все эти \$ 200.000. Что если бы все работали с такой эффективностью, мы бы жили при коммунизме, но в рыночных условиях! Вот так, вот!

То есть первое, конечно, изменение всего климата: то есть разговоры продолжались про демократию, а на самом деле демократии не было. Это было очень заметно в сравнении, например, с контекстом Канады, где в порядке вещей организации каждый год получали финансирование от государства на ту работу, которую они выполняли. А что они делали? А они контролировали государство: а правильно ли оно выполняет все законы в отношении женщин? Маленькая организация, там три человека. А вот. У меня даже записи сохранились до сих пор. Да. Они организовывали женские кризисные центры, работу, они на эти кризисные центры получали поддержку от государства. То есть государство признавало, что общественные организации делают социально полезную, необходимую работу, то есть оно уважительно относилось к этим организациям. У нас же все было нацелено на выживание, нас бесконечно пытались в чем-то уличить. То есть, вот конечно, такой, иной характер отношений. То есть не разговоры о третьем секторе и о гражданском обществе, а реальная поддержка вот этих вот начатков зарождающегося гражданского общества – то есть, вот, как бы в целом это очень важно! Без этого контекста развиваться таким организациям практически невозможно.

Вторая важная причина – это «поведение» самого женского движения. С моей точки зрения, третья волна женского движения у нас завяла потому, что сами женщины, которые, так сказать, позиционировали себя как лидеры этого

движения, возглавляли организации, там какие-то союзы этих организаций... Понимаете, у них вот не было этого пафоса, они не смогли поставить интересы женского движения и понимание женского движения как инструмента выше своих личных амбиций. Выше своих личных амбиций. И мне было просто дико наблюдать, что в нашем сообществе работают те же самые, те же самые патриархальные правила – лесты, так сказать, чиновничества, угодничества, которые работают в маскулинной культуре, с которой мы как бы пикировались. То есть объясняли, что мы - другие, мы вот про гендер знаем, у нас гендерный подход, что у нас другая культура, так сказать, более демократичная и нравственная... Да ничего подобного! Может быть от того, что мы... что нельзя сразу как бы переродиться, а? Получается, что мы вытащили из патриархальной культуры и, так сказать, отчасти воспроизвели уже в своих отношениях то, в чем мы выросли.

То есть вот не было этой рефлексии. Меня всегда поражало, что не было честного разговора. Я все время говорила: «Ну почему бы нам не обсудить вот эти как бы выверты в поведении там некоторых наших членов? Почему вы не говорите, что она - просто пьяная и пьяная выступает, значит, и.. и дебоширит на нашей женской сходке? Почему вы не называете вещи своими именами?» Вот меня это поражало...

Н.Л.: Интересно, употребляли ли вы слово «феминизм» и вообще говорили ли, что у вас феминистская организация? Или феминист... Что вообще для Вас слово «феминизм», этот термин?

Л.В.: Для меня слово «феминизм», я думаю, что это образ моей жизни. Вот я говорила о моей матери, которая, не будучи никакой феминисткой ни в каком углу, значит, не считая себя, вдруг мне все детство твердила, что я должна стоять на своих ногах – вот это вот опора на себя! Как бы желание реализовать все свои силы и возможности и непонимание или как сопротивление всему, что не дает этого сделать – для меня это феминизм.

Это вот отношение к себе как к Человеку – вот это феминизм.

Я очень много потом встречала различных выражений, что каждый раз, когда я защищаю свое достоинство, меня называют феминисткой, – я со всеми с ними согласна. Я просто не все помню наизусть, но очень много и здорово сказано про феминизм. Я знаю, что это слово до сих пор у нас вызывает отрицательные коннотации в обществе, это связано с тем, что ему сделан такой черный пиар, феминизм. И, каждый раз, когда у нас возникали какие-нибудь разборки с этим вопросом с теми людьми, которые к нам обращались, особенно с мужчинами, когда они ехидно спрашивали: «А вы что, феминистки, что ли?». А мы им говорили: «А что вы, собственно, подразумеваете под феминизмом? Что для вас феминизм? Для нас феминизм – вот это»...

Н.Л.: А термин употреблялся в ваших уставных документах или где-то вот в вашей организации или не было тогда

Л.В.: В уставных, честно говоря, не помню. Честно говоря, не помню. Но не потому, что мы чего-то боялись. Видимо, в самом тексте это не имело смысла, или было неуместно и мы какими-то другими словами это изображали. Но для себя мы понимали, что мы феминистки, что мы феминистки, что мы действуем как феминистки. То есть мы реально...

Н.Л.: Могли ли вы говорить об этом в интервью? Я имею в виду не на Западе когда мы уезжали куда-то, а именно вот во время ваших встреч с женщинами, во время ваших конгрессов? Употреблялся ли термин и вообще...?

Л.В.: Употреблялся. Употреблялся. Он по-разному принимался и внутри нашей тусовки. Потому что такое женское движение – это достаточно свободное сообщество, это же не партия, где вот так говорить нельзя и только так, и если ты говоришь иначе – то ты пойдешь в другую партию, если захочешь. Нет, у нас это вот демократическое свободное сообщество! В этом сила, но в этом слабость, потому что, так сказать, ты имеешь право говорить все, что ты думаешь, неважно, что ты думаешь так, как ты думаешь. И ты думаешь не так, как мы. А когда ты думаешь не так, как мы, то получается, что мы не едины? И рано или поздно вот эта трещина, или, так сказать, эта выбоина – она все-таки дает о себе знать. А вот...

Н.Л.: А как пересекалась Ваша научная работа, исследования – вот насколько я знаю, она вообще исследования – в области гендерной педагогики, с работой организации?

Л.В.: Очень даже. Можно сказать, что, во-первых, то, что я встряла в женское движение, помогло мне понять, что мне по-настоящему интересно и какая тема меня волнует. Потому что интуитивно меня это задевало еще вот во времена моей комсомольской работы, когда в порядке вещей было сказать: «Ну женщина не может быть первым секретарем, потому что она – женщина. Место женщины – вот Школьный отдел, где дети и т.д. и т.д.!». Это говорилось совершенно открыто. Вроде как женщины – комсомольские работники, но, опять же, «осетрина третьей свежести».

А что такое Школьный отдел? Это самый, так сказать, нижний уровень в иерархии комсомольской работы в СССР. И меня это всегда задевало. Или когда мне, например, говорили: «Ну, для женщины это – хорошая зарплата», когда переводили с работы на работу и зарплата была ниже, ну, я говорила: «Почему для женщины? Почему для женщины? Почему вы хотите получать, предположим, 300 рублей, а я должна получать 240 и этому радоваться, потому что я женщина?». Потому что, ну, я всегда видела, что, ну, мужчина – мужчина, но есть глупые мужчины, есть мужчины, которые гораздо, так сказать, слабее меня с точки зрения организаторской работы, характера, моей убежденности, верности идее... - но они занимали более высокое положение просто потому, что они мужчины. Интуитивно меня это всегда задевало. И я помню, как мне говорили: «Ты не понимаешь...» Я говорю: «ДА! Я не понимаю. Я не понимаю, почему это так!». И они – мужчины, которые со мной разговаривали, - они удивлялись, что я

этого не понимаю. Им казалось, что все женщины как бы интуитивно должны знать, что они должны идти в арьергарде, в хвосте, за ними выстраиваться. Неважно, каковы качества того, кто впереди – а вот все дальше за ним и т.д.

И когда, так сказать, вот это вот, случилось мое вхождение, я помню мой первый разговор с Таней Клименковой⁷, когда я приехала, значит, в Институт проблем народонаселения,⁸ где работала тогда Лена Кочкина... в связи с первым Форумом, на который мы не попали.

Мы даже не знали, что он был, этот форум, в Москве, ну так вот информация тогда еще была поставлена. Вот мы это узнали уже как бы задним числом. А, мы даже совпали по времени. То есть первый Форум проводился в те же даты, когда мы проводили свой первый Конгресс в Мурманске. В конце октября там 1992 года. А мы и понятия не имели, что что-то в Москве подобное.

Это, кстати, говорит о том, что везде более или менее происходило одно и то же, и активные женщины, они везде выходили вот в эту плоскость. Но и потом, когда, значит, я приехала, и я там, конечно, никого не знала. И Таня Клименкова, и она в разговоре со мной, объясняя, вот она впервые произнесла слово «гендер». И она сказала: «Ты понимаешь, это такой тип культуры». Я на нее смотрела со своим педагогическим образованием и степенью кандидата и плохо понимала, что она говорит. Я не понимала, но я почувствовала, что в этом что-то есть. И вот это вот: «Но ты понимаешь, патриархат – это такой тип культуры», говорила Таня. Тип культуры? Это вообще не мой язык, не педагогический. Что такое тип культуры? Вот. Но я стала читать. То есть очень трудно было отделить гендер от пола, то есть все время пересекалось. Я помню, как на какой-то конференции в Санкт-Петербурге – там, где была Аня Темкина,⁹ глубоко мною любимая, и Лена Здравомыслова,¹⁰ и Сергей Ушакин¹¹ – значит, они меня спрашивают: «Ну как ты думаешь, ну вот, почему вот так получается?» А я им: «Потому что гендерные стереотипы!». А они говорят: «Не только в стереотипах дело». А я: «ну, а что? Конечно, в гендерных стереотипах дело.» Теперь-то я все знаю, обо всем сужу, то есть это вот первый как бы слой представлений, и очень трудно было у себя в голове... Пять лет у меня ушло на то, чтобы у себя в голове разделить, пять лет. Притом, что за это время была и первая школа на Валдае,¹² в которой я принимала участие и слушала там лекции. Я помню, меня так раздражали лекции

⁷ Составитель транскрипта отмечает, что речь идет о «Татьяне Алексеевне Клименковой», являющейся кандидатом философских наук, сотрудницей Института философии РАН».

⁸ Составитель транскрипта отмечает, что речь идет об Институте социально-экономических проблем народонаселения при Российской Академии Наук (ИСЭПН РАН).

⁹ Составитель транскрипта отмечает, что речь идет об Анне Адриановне Темкиной, профессоре Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Составитель транскрипта отмечает, что речь идет о Елене Андреевне Здравомысловой, профессоре Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹¹ Составитель транскрипта отмечает, что речь идет о Сергее Александровиче Ушакине, который ныне профессор университета Принстон, США.

¹² Составитель транскрипта отмечает, что речь идет о Первой летней школе по женским и гендерным исследованиям на Валдае.

Здравомысловой и Темкиной, потому что я вообще через слово понимала, что они говорят.

Я помню, как Аня Темкина говорила: «Фрейм, фрейм...» И я потом, когда уже через там сколько-то лет, когда мы с ней были в каком-то там семинаре вместе, спросила: «Ань, так что такое, что такое фрейм?» А она: «Ой, Люба, ой, прости, ты понимаешь...», Да, я-то потом прочитала, что это рамка. Так: «Ань, ну почему нельзя было сказать по-русски «рамка»? Ты, понимаешь, этим словом «фрейм» меня просто вышибла, я вообще потеряла ход твоей мысли от того, что ты такими словами пользовалась». А она: «Ну вот, понимаешь, есть у нас такой грех, у социологов, особенно у англо, так сказать, язычных, тех, кто читает и т.д. и т.д.»

Было очень непросто вообще понять и что такое «гендер». Что это за метода такая, которая вот как бы разбирает вот эти процессы, показывает эти технологии. Но я понимала, что это вот именно то, что надо, то, что надо. Да, я, конечно, сразу, как и все педагоги, попыталась это перенести в педагогическую среду. И я помню, в то время работала на факультете повышения квалификации руководителей образования Мурманской области, то есть мои студенты – это были завучи и директора школ. И, так сказать, на своем курсе я вот им с огнем в глазах прочитала, что есть такой гендер, вот что нам дает, вот что мы начинаем понимать, ах какое безобразие, какое угнетение женщин и т.д. И все это со статистикой и т.д. и т.д. А вот. Я помню, что они очень холодно приняли. Единственный раз они взорвались, когда – значит, там был один мужчина, психолог, он, кстати, оказалось, работал в тюрьме психологом, то есть, вот в этой системе, в пенитенциарных учреждениях. Он сидел-сидел и сказал: «Вообще, что вы тут такое говорите? Женщины должны рожать, а мужчины должны идти на войну и умирать!». И вот тут тетки-то взорвались. Ага, нам рожать, чтобы вы убивали?»

Вот, понимаете, какие-то вот такие вещи начали задевать, потом они тоже пытались перенести то, что они слышали, к себе домой, и я помню, когда одна из женщин пришла на следующий день и сказала: «Слушайте, я после ваших лекций пришла домой и стала пинать мужа и сына, что они меня угнетают. Что они ничего дома не делают, там тыры-пыры, тыры-пыры...» Вот такое. И... я стала думать над тем, как вот это, что... гендер и педагогика? Потому что про педагогику ничего не говорилось, говорилось про социологию, про историю, про филологию, так сказать, гендер в языке и т.д. То есть понятно, все это переплеталось. Все было чрезвычайно интересно, хотя не всегда понятно. А вот. Я стала думать над тем, ну и как вот это к педагогике... Что нам, так сказать, вот гендер, как его приспособить, как выйти? Потому что я понимала: все начинается с детства, с воспитания, с социализации, которой занимаются родители и учителя, педагоги. Вот. И то есть, понятно, что мы как-то со всем этим взаимодействуем, все это употребляем, как-то делаем так, что в результате... вот такие отношения. Вместо партнерства – подчинение. И ожидание, что, так сказать, кто-то кого-то будет обслуживать, кто-то кому-то будет служить, кто-то чем-то должен жертвовать – и это вместо того, чтобы, так сказать, находить какие-то компромиссы и т.д. И вот я стала работать в этом направлении, и мне

интересно до сих пор. Там я и работаю и мне интересно до сих пор. Очень интересно.

Н.Л.: То есть, можно сказать, что работа в общественной организации повлияла на научную работу и, наоборот, научная работа подпитывала работу в общественной организации?

Л.В.: Но прямо там в это, в общественную организацию, если говорить...

Н.Л.: Но педагогика ведь охватывает не только работу с маленькими детьми, но и с выросшими, и с подростками, и с молодежью.

Л.В.: Это верно! Это верно! Но на тот момент я еще не видела в себе такой вот фундаментальности, прочности, как бы достаточного знания, чтобы вот, так сказать, выходить на... то есть, выносить это в общественную организацию. Тут в другом! Поскольку я по поводу гендера общалась с очень, так сказать, широким кругом своих коллег, которые работали в области социологии, в области истории... Вот Наташа Пушкарева¹³ в области истории работала, в области женской истории - ведущий специалист. А вот. Понимаете, все это как бы напитывало и создавало такой, как бы, очень широкий кругозор. Потому что педагогика и гендер, как бы... Вернее, вот это, вот пол, гендер, педагогика - сама педагогика не может дать прямых ответов. Для того, чтобы давать правильные ответы, она должна видеть последствия - а это социология. Она должна понимать корни - а это история. Вот и...

Н.Л.: А западная литература? Она в помощь или нет была в это время? Вот есть ли, может быть, в какой степени можно было опираться на работу западных ученых, именно по гендерной педагогике? Может быть, они могли бы быть релевантны или могли ли быть полезны для разработки этой темы у нас? Потому что у нас, так по-прежнему, кроме Вас, я даже не могу никого назвать, кто бы занимался гендерной педагогикой, как темой основной исследовательской работы.

Л.В.: Но на самом деле...

Н.Л.: И появились, конечно, какие-то отдельные выступления на отдельных конференциях, вот но все равно мне сразу приходит в голову, да и поисковик сразу выдает вашу фамилию. Отсюда вопрос: может, могли ли быть контакты с зарубежными коллегами и насколько они могли быть полезны для организации, может быть, в целом, а может быть, только для научной работы?

Л.В.: Зарубежная литература, особенно хорошо переведенная, поскольку все это читать и понимать лучше на своем языке, - она огромную помощь оказывает. Огромную... Вот, например, Шон Берн и его гендерная психология. Господи... Сандра Бем. Великолепная! Я читаю, перечитываю, у меня ее книжки все в закладках. А вот. Потом, отдельные публикации мужчин, которые работают...

¹³ Составитель транскрипта отмечает, что речь идет о Наталье Львовне Пушкаревой, докторе исторических наук, профессоре Института этнологии и антропологии РАН. Это она берет интервью.

мужчин-ученых, которые работают в этой области. Там... По маскулинности зарубежные работы. Чрезвычайно интересные и тоже все, так сказать, размечены и там выдержки и т.д.. Но все время приходится перекладывать на особенности нашей культуры. То есть славянская культура и, так сказать, наш...

Н.Л.: Менталитет.

Л.В.: Да, наш менталитет. Напрямую это переносить неэффективно. И когда мы пробовали переносить это напрямую, как правило, фиаско получалось. То есть надо все время, так сказать, понимать культурные различия, культурные различия. Ну даже потому что, они [западные ученые] они считают, что у них там женщины больше... более угнетены -- а у нас весь педагогический дискурс напицкан тем, что бедные мальчики, задавила их в школе, значит, женская постановка образования, женщины – учителя и т.д. Вот и даже в этом видении такая разница.

Н.Л.: А контакты Вашего Конгресса женщин Кольского полуострова с зарубежными организациями, которые, вот, особенно были активные в 1990-е годы. Какие темы благодаря этим контактам Вы подняли на поверхность и стали разрабатывать? Насколько я поняла, прежде всего тема насилия против женщин и домашнего насилия. Какие еще могли...

Л.В.: Да, насилие в близких отношениях. Там домашнее– это только часть проблемы. Насилие в близких отношениях, которые могут дома, которые, значит, в семье могут быть, и вне рамок семьи – а это близкие отношения, потому что семьи еще нет, а близкие отношения есть. И всякие другие вещи. Это тема – торговля женщинами. Вот этот, вот, Трэффик, то есть, была...

Н.Л.: А с какими организациями вы контактировали в это время и кто вам помогал или идейно, может быть, как-то направлял благодаря чтению работ, сайтов, проработки и т.д.? Были такие, как говорится, не могу...

Л.В.: Если говорить об организациях, то - поскольку мы живем на Северо-Западе, вернее, я жила на Северо-Западе в Мурманской области, - то самые такие активные контакты у нас были со шведскими женскими организациями и с норвежскими. С норвежскими – по линии кризисных центров, то есть, сеть кризисных центров Баренцева региона, это женские организации. Я сейчас просто названия уже и не вспомню. Но вот в Тремсе, в Киркенесе, в Швеции была такая женская организация, - тоже вылетело название, но она погибла, можно сказать, то есть, была уничтожена в 2008 году, во время кризиса. Когда грохнул кризис, они, так сказать, она просто лопнула как вот... из-за финансового, из-за финансового вопроса.

Н.Л.: Они помогали вам? Вообще могли помочь финансово?

Л.В.: Да, потому что у нас были совместные проекты, держателем бюджетов была та женская организация. А вот. Ее центр находился в Стокгольме. А вот. Значит, мы работали, притом не только в Мурманской области, но вот Карелия, отчасти – Москва, Ярославль, сложилась такая, довольно широкая сеть. И технологии

предупреждения, оказания помощи жертвам сексуальной торговли женщинами и детьми – вот с их помощью мы разрабатывали. А...

Н.Л.: А в американские вы не обращались? Глобальный фонд для женщин? Какие-то...

Л.В.: Глобальный фонд для женщин в самом начале своей работы, когда, так сказать, у нас не было абсолютно своего помещения, а нам необходимо было где-то работать, собираться каждую неделю. Мы попросили у него денег на аренду. И мы получили три тысячи долларов. И в течение двух лет на эти деньги мы снимали, значит, помещение, которое потом мы выкупили тоже. Ну, потому что мы заключили договор, что аренда с последующим выкупом. И аренду – в счет выкупа договорились сделать. Так что так вот, кусочками, набирая от грантов и т.д. Фонд Сороса очень помогал. Да, у него гранты были маленькие, там \$ 10.000, но, понимаете, наша общественная работа, наше, так сказать, региональное представление, для региональных женщин, из глубинки, - для нас это были большие деньги, которые нам позволяли работать.

«Канадский фонд поддержки женщин»¹⁴ очень оказал большую помощь. В-первых...

Н.Л.: «Гендерного равенства», да?

Л.В.: Да, «гендерного равенства», который вот был в Москве при Канадском посольстве. При их поддержке мы провели совершенно замечательный образовательный проект, в котором и Наталья Пушкарева тоже участвовала.¹⁵ А вот. Значит, смысл его был как раз в том, о чем мы говорили. Что необходимо переложить вот это, вот, общее понимание стратегий гендера и гендерного подхода на педагогическую среду. И мы начали с самых корней – с дошкольного образования. То есть на месте был, благодаря, так сказать, моей работе в институте, чисто человеческим связям на местах, мы договорились с детскими садами одного из районов, что будем их сначала, значит, их воспитателей сначала просветим в вопросах гендера и гендерного устройства общества, а затем вместе с ними проработаем: как это может... какое значение это имеет... в воспитании детей, начиная, вот, с самого нежного возраста. И поскольку это был 2001 год, я столкнулась с проблемой, что «кто же нам эти лекции-то прочитает?» Вот что называется «с миру по нитке, с бору по сосенке». Я помню, как я сидела у себя на даче, и мы с Зоей Хоткиной, которая была у меня в гостях, мы с ней тупо соображали, кто же может хоть что-нибудь сказать.

Притом что-нибудь – мы понимали, что, раз это гендер, значит, это должна быть история, должна быть экономика, должна быть социология, должна быть семья. Должно быть про девочек, должно быть про мальчиков. Должна быть детская литература. И вот, так сказать, перебирая всех, кто тогда, так сказать, вообще

¹⁴ Составитель транскрипта отмечает, что этот фонд называется «Канадский фонд поддержки гендерного равенства».

¹⁵ Составитель транскрипта отмечает, что социолог Игорь Кон и экономист Зоя Хоткина тоже приняли участие в этом проекте.

когда-то в России что-то делал, мы собрали очень сильную команду. И к нам приехали, прочитали лекции для воспитателей детских садов Людмила Владимировна Попова. У которой у единственной было реальное исследование на российском материале по гендерным, так сказать, вот, различиям между школьниками в образовании и что от чего зависит. Мы пригласили Наталью Львовну Пушкареву, которая напряглась и, владея иностранными языками, собрала материал и разработала лекции, которые до сих пор пользуются очень большой популярностью. Их смысл был в том, что она проанализировала сказки и какой смысл в них заложен с точки зрения, значит, гендерного анализа и подхода, что на что влияет. Дальше, у нас была Марина Арутюнян, у которой к тому времени было очень интересное исследование, которое показывало, к чему приводят ошибки гендерные аспекты воспитания в детстве, в юности и во взрослой жизни: как ведут себя мужчины и женщины, воспитанные на традиционном поло-ролевом подходе, и какие проблемы случаются в связи с этим. А вот. Значит, украшением той нашей группы был Игорь Семенович Кон, известный и глубокоуважаемый, который является... работы которого и на сегодняшний день являются самыми классными работами, самыми такими добротными работами по анализу маскулинности. То есть, а «что вот с мужчинами так?» С точки зрения изменившихся культурных условий, с точки зрения вот тех изменений, которые произошли в двадцатом веке и активно продолжаются сейчас. То есть, вот как. А какие проблемы у мужчин в связи с этим? И что с ними можно сделать с точки зрения науки? А вот.

Экономист Зоя Хоткина прочитала лекции о гендерных различиях и о гендерной сегрегации в экономике, в сфере занятости и труда и вот т.д. Так что таким образом участницы этого проекта получили такой вот «круговой обзор» всего, на что завязан гендер, что от чего берется и как это все взаимосвязано с проблемами нашей жизни. То есть, так сказать, понятно, что... нам непросто было в свое время понять и для них было непросто вот такая, вот, атака массивная, так сказать, интеллектуальная атака для людей, которые всю жизнь проработали в поло-ролевом подходе, были на нем воспитаны и мозги у них так сложились, так устроены – вот им надо было это переосмыслить. Тем более, что, как всегда, грант давался на один год, надо было обучить, затем проанализировать свою практику, обмыслить, что к чему и как можно изменить, попробовать переписать сценарий детских мероприятий, изменить характер взаимодействия с детьми, опять же описать все это, изложить, издать, значит, вот, значит, пособие. Оно называется монографией, но, по сути дела, оно является учебно-методическим пособием. И как говорит... и как говорят люди, которые работают в аудиториях со студентами, что до сих пор это лучшее, самое понятное пособие, в котором не только, так сказать, теория изложена прилично, но еще и практика показана: а как это делалось и что к чему? Потому что жизнь показывает, что даже когда теория прочитана и не очень понимает педагог, ну, что с этим дальше делать? С какого конца вообще подступиться?

Н.Л.: Что же произошло в середине двухтысячных... ну, в начале двухтысячных, 2005-й, 2006-й год, вот уже сокращается деятельность

вашего Конгресса, и как развиваются события в последние десять лет в Вашем регионе там, где продолжает формально числиться Союз женщин Кольского полуострова... Конгресс женщин Кольского полуострова? И вообще, в целом, в Вашей работе: насколько она по-прежнему связана с гендерной педагогикой и интересуют ли эти вопросы и как...?

Л.В.: Ну, я начну с конца. Потому что это ближе всего. Я работаю, то есть продолжаю работать над гендерным подходом к педагогике, я разработала его теорию, я опробовала в практике, я обучала этому студентов и видела результаты изменений, так сказать, их сознания, их отношения к жизни, к детям и т.д. А вот. И сейчас у меня появилась возможность заниматься только этим. Вот буквально. Где-то полгода я могу только на этом сосредоточиться. До этого мне приходилось, так сказать, соединять свои научные интересы с той обязательной работой, которую я должна была выполнять, чтоб мне платили зарплату. А вот. То есть я продолжаю работать и еще, подчеркнем, мне это очень интересно. Только что мне сделали предложение, вернее меня попросили оказать помощь уникальному, с моей точки зрения, образовательному учреждению, - это пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации. То есть это тип кадетского корпуса, только для девочек. Он единственный в своем роде, находится в Москве, там 800 девочек с 5 по 11 класс. А вот. То есть они, вот, так сказать, руководители этого учреждения вышли на нас после того, как посмотрели наши вебинары, которые мы вели с Ольгой Ключко – она философ, доктор философских наук и работает, так сказать, над... над... по гендерной проблематике. А вот. Они послушали нас и поняли, что они не очень правильно понимают гендерный подход, что такое гендер, и просили им помочь. То есть, по сути дела, разработать, так... сделать научно-педагогическое обоснование модели воспитания их девочек, которым дается очень хорошее образование: 4 языка, прекрасные условия, просто блестящие условия. И я вот была в пятницу накануне, значит, осмотрела их базу. Это просто фантастика. Институт благородных девиц отдыхает. То есть, очень хорошие условия. И на них реально, на выпускниц этого учреждения есть большой спрос, в том числе в высших учебных заведениях, в Баумановке и т.д., которые готовят специалистов по защите информации, так, значит, им предоставляется квота в Институте иностранных языков Министерства обороны. Вот. Но... дискриминация живет и процветает, как выяснилось: то есть, от всего количества, так сказать, мест для поступления, которые, так сказать, Министерство обороны дает заказ, значит, всего 4-5 мест выделяется для девочек. Притом, что они прекрасно подготовлены, они патриотичны до вот мозга от костей. Потому что, ну, во-первых, они все из офицерских семей, это дочери военнослужащих, которые служат в дальних гарнизонах или у которых погибли родители при исполнении долга. То есть, это, ну, старая российская традиция. Были такие пансионы - учреждения для воспитания дочерей военнослужащих, которые, значит, погибли, защищая Родину. И в царское время было такое. Вот и сейчас такое появилось. То есть, вот сейчас у меня появилась еще, и как я понимаю, хорошая исследовательская база.

Что касается работы Конгресса женщин Кольского полуострова, реально мы почувствовали, что интенсивность работы снижается, ну, где-то с 2006-2008 года. Как-то одновременно усугубилась, как я говорила уже, так сказать, ситуация в стране с точки зрения наката на общественные организации со стороны государства. Во-вторых стали изгоняться фонды, и сокращаться финансирование, денег просто стало невозможно где-то раздобыть, а я все время говорила: «Когда мы начинали работать, мы ни о каких деньгах вообще не думали, мы рассчитывали только на свои силы!». Поэтому для нас это не самое большое препятствие, хотя, конечно, 15 лет работы с помощью грантов... Они, так сказать, свою роль сыграли: люди привыкли к тому, что мы хоть какие-то мы деньги там...

Н.Л.: Может быть, в идее разочаровались? И может быть, не было уже поколения молодых девочек, который пришли бы вам на смену и сказали: «мы разделяем эти убеждения, мы хотим продолжать»...

Л.В.: Да такие молодые девочки есть, у нас выросли дочери, и они все разделяют наши убеждения! Но, помимо убеждений, необходима еще вот... необходима вот эта, вот харизма. Чтобы человек хотел вести за собой, чтобы он, так сказать, готов был встать, вот таких не оказалось. А во главе Конгресса женщин остались в общем люди из нашего поколения, вот Светлана Паршкова, которая в конечном итоге присоединилась к нам – хотя сначала не очень к этому была расположена; она хороший организатор и ответственный человек. А вот. И она до сих пор, так сказать...

Н.Л.: И она возглавляет сейчас?

Л.В.: Да, она... она возглавляет. Она сейчас является членом Общественной палаты. Благодаря участию в управлении Конгрессом женщин, она несколько лет была... в администрации, работала в администрации, заведовала отделом по связям с общественностью, но при очередной «смене, так сказать, караула», новый губернатор, кстати говоря, из Москвы посланный нам и который привез свою команду, так сказать, вычистил всех, кто работал, невзирая на, так сказать, возможности и заслуги. Это вот система нашей власти – это ужасно, это ужасно! То есть, вот как-то все это сошлось. И вот буквально сейчас она приезжала и говорила, что уже сил нет как бы, вот. Да, честно говоря, и активность женщин снизилась.

Н.Л.: Почему?

Л.В.: Трудно сказать каким-то одним ответом... Я думаю, что во-первых, привыкли, потому что вот это, вот, первый запал – он был от шока. То есть, вот этот, вот шок 1990-х, облом вот этот, вот когда все рушится, все крушится и надо собраться, объединиться, чтобы этому противостоять. Понимаете? 25 лет вот этот, вот облом, а вот уже народ более или менее адаптировался. Как-то научился, так сказать, разными путями выживать.

А потом, отчасти, разочаровались в этих механизмах. Потому что столько сил потрачено на то, чтобы создать организацию, мы столько раз участвовали в выборах, ты не представляешь... Мы в каждых выборах участвовали! А у нас ведь

денег нет. То есть, все это бесплатно, поквартирный обход, все эти американские технологии. Вот. И кстати говоря, говорят, тоже не работающие в нашей среде! Потому что мы же живем не в деревнях, а вот в этих «сотейниках» огромных. А вот. А вот и вот эта попытка воспользоваться напрямую этой технологией – я сама это делала и могу сказать, что это абсолютно неэффективно. Это неэффективно в наших условиях. А вот. Но сил это отнимает, и жизни... Каждые эти выборы, это... просто вот жизнь заканчивается. А при этом остается работа, семья и все, все, все. Это просто кошмар. И мы проигрывали выборы за выборами, потому что жизнь показала, что вот деньги и люди очень легко покупаются и продаются на выборах. В том числе и те, которые входят в женские организации. То есть, вот «иметь» здесь и сейчас для многих оказывалось важнее, чем вот эта, вот идея, идти вперед, бороться, быть вместе, настаивать на своем. Трудно людей в этом обвинять?

Н.Л.: Напоследок вопрос такой: с оптимизмом Вы смотрите в будущее? Вот в плане влияния гендерной педагогики, влияния наших усилий, которые мы можем оказывать на женское движение через наше исследование или через наш активизм женских организаций. Или последние годы принесли разочарование в большей мере, нежели надежды на то, что можно что-то здесь исправить, внести свой вклад и т.д.?

Л.В.: Несмотря ни на что, конечно, с оптимизмом. Я считаю, что идея правильная. Технологии, наверное, не самые эффективные. Поэтому надо работать над технологиями. А идею надо держать. Надо держать... И я глубоко презираю, между нами говоря, тех из нас, кто предал. Потому что, ну вот, были довольно умные, просвещенные люди, которые просто оказались перевертышами. Та же, Господи, Мизулина¹⁶. Я ее знаю 20 лет.

Н.Л.: Одно дело – она была яблочницей, и совсем другое дело сейчас.

Л.В.: Да, да! Это человек, который говорил: «Да, я работала в этой жесткой структуре, с мужиками в прокуратуре, и я знаю, как стоять, я знаю, чего мы стоим! Я сама добилась того, я защитила диссертацию и т.д.! Мы все можем!». И через 20 лет... это совершенно другой человек, который несет такую пургу, что вообще стыдно, что она тоже женщина и, вроде как, по ней судят о нас.

Есть и другие фигуры.

Особенно это касается женщин-политиков. В желании сохранить свое сытное место они предают идею. Я считаю, напрасно. Хотя тут есть и наша вина, потому что, вот например, Екатерина Лахова,¹⁷ к которой я отношусь с большим уважением, несмотря на то, что у нас, так сказать, разные «терки» были в

¹⁶ Составитель транскрипт отмечает о Елене Мизулиной, что она «доктор юридических наук, профессор, [российский](#) государственный и политический деятель. Она также «сенатор [Совета Федерации](#), выступающая ныне за запрет аборт, репрессивную репродуктивную политику.»

¹⁷ ¹⁷ Составитель транскрипт отмечает о Елене Лаховой, что она «[российский](#) политический и государственный деятель, заместитель председателя комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций, в 1996 году создала собственное Общероссийское общественно-политическое движение женщин России».

отношениях. А вот. Она же была на нашей стороне. Она *была* на нашей стороне! И она была с нами. Но в тот момент, когда нужно было реально решить конкретный вопрос с законом, выдвинуть его, и в том числе и ее поддержать этим, вдруг начались вот эти высоколбые метания, типа: «только так, а не иначе». То есть, ни гибкости, ни ума. То есть, и желание показать себя, любимую, но просто ее подвели. И она в нас разочаровались. Я ее понимаю: она разочаровалась в нас как в организации способной, на которую можно опереться.

Н.Л.: И все-таки Вы смотрите с оптимизмом?

Л.В.: Конечно, да.

Н.Л.: Международные организации могут чем-то помочь нам?

Л.В.: Я бы сказала так: я верю в то и опять же, даже истина: делай что должно, и будет, что будет. Вот если я верю в эту идею – и не просто верю тупо, потому что вот так сказано, нет! Потому что я ею прониклась, я, что называется, на уровне научного сознания ею овладела. Убедила себя, и верю в это. Я буду делать все для того, чтобы ее продвинуть. Если я пойму, что это ошибочная идея, возможно, я что-то изменю. Но сейчас я верю в то, что она правильная. И поэтому я должна идти дальше!

Н.Л.: Спасибо большое, Любовь Васильевна, за все слова, которые Вы сегодня нам сказали.

Л.В.: И Вам спасибо.